

*Моей маме, которая показала мне, что
библиотека — волшебное место,
и Миле, которая теперь постоянно об
этом напоминает.*

1. Оливер

Когда я просыпаюсь, глаза горят от яркого света в комнате. Я плохо спал. Как всегда перед полетом. Пытаюсь сосредоточиться на шуме волн за стенами комнаты, но он лишь напоминает о том, через какое огромное пространство воды перелетит мой самолет. Панических атак не было всю поездку, и я не собираюсь поддаваться им в свое последнее утро в Доминиканской Республике.

Выбравшись из кровати, хватаю какую-то одежду и иду в ванную. Так устаю, пока чищу зубы, что роняю в слив колпачок от зубной пасты. Придется выкинуть весь тюбик. Паста в любом случае почти закончилась, так что переживать о потерянной колпачке глупо, но меня это все равно бесит.

Раздраженный, я быстро одеваюсь и направляюсь в холл отеля, где для волонтеров сделали столовую. Все уткнулись в телефоны, просматривая вызовы, почту и сообщения. Эмили с Девонем болтают. Ее ладонь ложится поверх его руки, и я едва не возвращаюсь в свою комнату, но она замечает меня и машет. Не уверен, что это приглашение, но все равно решаю подойти, даже если Девон, мягко говоря, не в восторге от того, что я направляюсь к их столу.

Из-за этого нового загара голубые глаза Эмили кажутся еще ярче. Ее улыбка сменяется выжидающим взглядом.

— Присядешь? — спрашивает она.

— Конечно, — отвечаю, опускаясь на стул, но быстро вскакиваю обратно и бормочу: — Только сначала возьму завтрак.

— Мы подержим тебе место, — выкрикивает Эмили, пока занимаю очередь к буфету. Хочу положить на тарелку яичницу, но от усталости роняю ее на стопку блинов. Чувствуя, как горят уши, я застываю с лопаткой в руках, не зная, то ли собирать все обратно, то ли оставить как есть.

Решаю ничего не делать, но, возвращаясь к столу, слышу, как в очереди говорят:

— Фу, кто-то уронил яйца в блины. Просто отвратительно.

Присаживаясь, чувствую, что уши чуть ли не огнем полыхают. Эмили и Девон копаются в телефонах. Кажется, будто они не заметили моего возвращения. Но Эмили поднимает взгляд как раз в тот момент, когда я закидываю еду в рот.

— Оливер, я слышала, тебя нет в списке пассажиров.

Я только что откусил огромный кусок, поэтому просто киваю, но они смотрят на меня в ожидании продолжения.

— Возвращаюсь ранним рейсом, — наконец удастся выдать мне.

Девон закатывает глаза.

— Видимо, в Бруклине намечается большая вечеринка, на которую тебе нужно успеть?

Уши вновь вспыхивают. Вообще-то так оно и есть, но говорить об этом Девону, естественно, не стоит.

— Это... по семейным обстоятельствам, — лгу я.

Девон снова закатывает глаза и подхватывает свой поднос.

— Хорошего полета, — говорит он полным сарказмом голосом, затем улыбается Эмили. — Увидимся на пляже в десять?

Эмили бросает на него неприязненный взгляд, но Девон уходит, улыбаясь.

— Иногда он такой мудака, — она провожает его взглядом, потом снова оборачивается ко мне: — Нет, правда, почему ты возвращаешься один? Кажется, ты единственный волонтер, который на самом деле *хочет* уехать из Доминиканы.

Я ерзаю на стуле.

— Просто дома неожиданно кое-что случилось. — И это неправда лишь наполовину. Да, Келси упоминала вечеринку в первый же день моей поездки, но пригласила она меня только вчера утром.

— Олив... — Эмили изобрела для меня это прозвище. Мне не хватило духу сказать ей, что моя тетька Джана с трех лет звала меня «Олив, потому что ты слишком мал, чтобы быть целым Оливером», и ничто не раздражало меня сильнее.

Я избегаю ее взгляда, достаю из кармана телефон и начинаю вертеть в руках.

Эмили быстро тянется через стол и выхватывает телефон у меня из рук. Там открыто фото. Конкретнее — фотка Келси, сохраненная с «Фейсбука».

— А Келси имеет какое-нибудь отношение к твоему раннему отъезду?

Попался. Возможно, я слишком много говорил о Келси с Эмили. Возможно, я слишком много говорил о Келси со всеми.

Она вскидывает бровь, но я лишь пожимаю плечами. Эмили открывает контакты, чтобы добавить свой номер.

— Меняемся, — говорит она, пододвигая мне собственный телефон. Он совершенно непохож на мой, поэтому я немного замешкался. Она наблюдает, как я добавляю свой номер. На автомате пишу «Оливер» полностью, спохватившись, только когда возвращаю ей телефон. Я подталкиваю его чуть сильнее, чем надо, и Эмили едва успевает поймать телефон, прежде чем тот падает со стола.

Я съеживаюсь, а она снова смеется.

— Пока, Олив. Не разбивай ничьих сердец, договорились?

Эмили убирает за собой посуду и отправляется на пляж.

Я смотрю ей в спину, наблюдая, как она уходит. Эти волосы почти как у Келси. Клянусь, когда-то Келси постоянно носила такую косу. Кажется.

Оставшись за столом в одиночестве, беру телефон и просматриваю нашу переписку с Келси. Я сохранил ее номер с «Фейсбука» еще несколько месяцев назад, но никогда не писал. А на пути в аэропорт вдруг получил ее комментарий и пялился на экран, повторяя себе, что он, должно быть, адресован кому-то другому, пусть даже и под фоткой моего чемодана. Я составил, переписал и удалил ответ, а потом мама наехала на кочку, и палец ударил по смайлику в темных очках. Сперва меня затошнило. Но затем Келси ответила подмигивающим смайликом, и каким-то чудом мы переписывались все весенние каникулы, несмотря на то что вне школы встречались всего раз, когда толпой ходили на каток четыре месяца назад. Я мог бы считать все наши разговоры по пальцам одной руки.

Я отправился обратно в комнату, собирать вещи. Весенние каникулы первого класса старшей школы я провел, помогая строить дома в Доминиканской

Республике, так что одежда была по большей части грязной. Забросив в чемодан мятое и потное белье, я кидаю последний взгляд за окно на пляж и пальмы, и вижу Эмили и Девона вместе. Хватаю свой чемодан и отправляюсь в вестибюль.

В этом автобусе я — единственный волонтер. Мы заезжаем на пару курортов, чтобы подобрать других путешественников. У одного мужчины оказывается три огромных чемодана, и водитель не может впихнуть их в маленькое багажное отделение. Чуть перестановок, немного криков, и мужчина, уже весь в поту, наконец, заносит последний чемодан в салон. Отводя взгляд, он обмахивается посадочным талоном.

Мы уже опаздываем, некоторые пассажиры ворчат, но меня это не особенно беспокоит. Чем меньше времени я проведу в аэропорту, ожидая самолет, тем лучше. Хотел бы я, чтоб из Доминиканы в Бруклин ходили поезда. Или даже лодки.

Что-то более приземленное, а не летящее по воздуху на высоте десять тысяч футов. Я глубоко вздыхаю и вытираю взмокшие ладони о брюки.

Когда мы добираемся до аэропорта, прямо передо мной из автобуса высыпают загорелые курортники. Я сядил в автобус первым, поэтому водитель вытаскивает мой чемодан в самом конце, рубашкой вытирая пот с лица. Я не видел, как делали остальные, и не знаю, нужно ли оставлять чаевые. Вдруг это считается оскорблением? Выбираю рукопожатие, и водитель выглядит смущенным.

— Gracias! — бормочу и иду в аэропорт. Надо было сказать еще что-нибудь по-испански. Следовало бы знать испанский получше, раз уж мой отец родился в Мексике — но я не знал.

Очередь на досмотр длинная и двигается медленно. Мне звонит мама, но говорить по телефону, когда вокруг столько людей, неловко.

Тогда она присылает мне сообщение... и еще одно, и еще.

«Надеюсь, ты в аэропорту. Ты получил мое последнее сообщение?». Я прямо вижу, как она расхаживает по нашей идеально чистой квартире с телефоном в одной руке, в третий раз за утро протирая шкафы.

Сразу посылаю ей ответ: «Прости, собирал вещи и прощался. Увидимся через несколько часов».

Ее следующее сообщение приходит так быстро, что невольно возникает вопрос, не написала ли она его заранее: «Ты точно в порядке? И просто возвращаешься пораньше ради вечеринки?».

Я оглядываю очередь и глубоко вздыхаю.

«Да, мама. Просто ради вечеринки. Уже на досмотре».

Через миллисекунду: «Окей. Напиши, как сядешь в самолет».

Я закрываю чат с мамой и посылаю одно общее сообщение Келси и Люси, спрашивая адрес, хоть я и был у Люси дома несколько месяцев назад, когда мы делали проект по истории. Моя очередь уже подходит, и я кладу телефон в сумку. Подняв взгляд, вижу, как женщина пытается пройти через рамку металлодетектора, тоже разговаривая по телефону. Она выглядит смущенной, когда охранник заставляет ее повесить трубку. Остальные, кажется, ничем не обеспокоены... если не считать девушку в начале очереди, на которой, клянусь, такая же фланелевая рубашка, как у Келси. Она оборачивается, и наши

КАРАНТИН

взгляды на секунду пересекаются. Не задумываясь, я киваю и улыбаюсь, а она улыбается в ответ.

Потрясающая улыбка.

Аэропорт внезапно кажется уже не таким пугающим.

Сам полет кажется уже не таким пугающим, когда я прохожу через ворота и вижу, что девушка летит со мной.

2. Флора

Проснувшись на рассвете, я собралась и подготовилась к полету. Я знала, как выгляжу: угрюмый подросток в джинсах, ботинках и фланелевой рубашке на пуговицах, совершенно не вписывающийся в атмосферу каникул. Даже в аэропорту полно людей в шлепках и плавках, будто их притащили прямо с пляжа.

Просто жду не дождусь, когда уберусь отсюда.

Я сажусь у ворот терминала, достаю телефон и вижу, что Голди, новая жена моего отца, запостила наше селфи, сделанное по дороге в аэропорт. Под ним уже куча глупых комментариев.

«О боже, ты словно сестра своей падчерицы!»

«ТАК МИЛО».

«#горячаямамочка»

Последний — от моего отца. Пытаюсь не блевануть и удаляю свою отметку с фото. Меняю настройки, чтобы Голди никогда больше нигде не смогла меня отметить. Это были не самые лучшие каникулы, и не только потому, что почти всю неделю шел дождь. С тех пор, как отец снова женился и переехал в Доминикану, он, кажется, считает, что у него весенние каникулы в режиме нон-стоп. Пока они спали до полудня, я каждое утро убирала коробки из-под пиццы, миски для салсы и мыла липкий блендер... чтоб потом повторить все следующим утром.

Я привыкла убирать за другими людьми. Это, знаете ли, не так уж плохо. Но совсем не то, что хочется делать на каникулах.

Еще немного листаю «инсту» и смотрю выложенные прошлым вечером фотки Дженны, где они зависают у Бекки дома. Не удивительно, что обе не отвечали на мои сообщения. Видимо, были слишком заняты, позируя с кошкой Бекки и сжигая в духовке печенье. Чувствую еще один приступ гнева за то, что отец забрал меня от друзей на целую неделю. Дженна и Бекки никогда раньше не тусовались без меня. Они даже не дружили, пока я их не познакомила.

Работник аэропорта начинает пропускать на посадку. Самолет не большой, и дело идет быстро, так что я очень скоро занимаю свое место у окна, потягиваюсь и открываю книгу. Кресло рядом остается пустым. «Путешествие Гулливера» уже прочитано, и я начала делать заметки для эссе, но, возможно, над ними стоит еще поработать. Я устала. Постель в домике отца была слишком мягкой, а от перьев в подушке началась аллергия. Они называли это «моей» постелью и «моей» комнатой, но не потрудились спросить, насколько там нравится мне. Эта комната мне совсем не для меня. Там везде леопардовые принты. Кто бы мог подумать, что продаются даже упаковки бумажных платочков с леопардовым принтом?

Я поднимаю взгляд и замечаю парня примерно моего возраста с пакетом из Макдональдса, садящегося в самолет. У него темные волосы, и даже с моего места можно разглядеть светлые глаза. Он отпускает ремень перекинутой через плечо сумки и машет мне. Я точно не знаю никого в Доминикане, кроме папы и Голди. Наверное, он машет кому-то позади. Я не отвечаю, и он краснеет.

Мне становится немного неловко, я пытаюсь улыбнуться на тот случай, если это все-таки было мне, но

он уже отвернулся. Его лицо пылает, пока он карабкается на место через ряд от меня.

Стюард уже готов закрыть дверь самолета, когда в салон врывается последний пассажир. Он сморкается и перелазит через «Макдональдса», чтобы сесть. Я морщу нос. Простуда станет прекрасным сувениром от этих потрясающих весенних каникул.

«Макдональдс» запихивает в рот картофель фри, но оглядывается через плечо, когда «бацильный» снова сморкается. Они сидят на соседних сиденьях, совсем недалеко от меня. Я чувствую легкую тошноту от запаха картошки и мыслей о парящих вокруг микробах. Во фланелевой рубашке немного жарко, так что я включаю кондиционер над головой.

— День добрый, дамы и господа! Я — Мария, ваш стюард. Добро пожаловать на борт четыре тысячи пятьсот сорок восемь, мы летим без пересадок до Майами. — Я едва слышу остальное, потому что теперь у «бацильного» приступ кашля.

Парень отодвигает подальше свою полупустую упаковку картошки фри.

3. Оливер

Выясняется, что, поменяв рейс, я оказался рядом с простуженным парнем. И что я туп настолько, чтобы помахать девушке из очереди перед досмотром. А теперь целых девяносто минут мне предстоит торчать прямо рядом с ней. Ладони снова взмокли то ли от беспокойства, медленно проникающего в мой мозг, то ли от жирной картошки фри. Глубокий вдох, чтобы успокоить нервы. Мужчина чихает, и я отодвигаюсь подальше.

Оглядываю самолет, невольно задаваясь вопросом, не сойти ли мне, чтобы полететь более поздним рейсом вместе с остальными волонтерами. Но это аж через шесть часов, и придется говорить всем, что планы снова поменялись. Достаточно просто представить лицо Девона... Плюс, мама точно перепугается. Эта мысль напоминает мне, что нужно отправить сообщение: «Готовимся взлетать. Напишу из Майами. Увидимся».

«Я буду следить за твоим полетом. Но на всякий случай, дай знать, как приземлитесь».

Сую телефон обратно в карман, но через секунду тот снова жужжит. Вытерев ладони о джинсы, опять достаю телефон и вижу, что это Люси. Она прислала адрес и спросила: «До вечера?». Это может означать, что она просто спрашивает, иду ли я. Или что она в замешательстве и вообще не ждала, что я там буду. Лучше бы ответила Келси. Я глубоко дышу, но мужчина рядом начинает кашлять, и теперь все мои

мысли лишь о том, что я вдыхаю его микробы. Я растегиваю ремень безопасности. Невозможно больше тут сидеть.

Мимо проходит стюардесса и твердо кладет руку мне на плечо.

— Сэр, мы вот-вот взлетим. Вы должны пристегнуть ремень и перевести телефон в режим полета.

Желая исчезнуть, я съезжаю вниз по креслу. Оглядываясь, смотрю в щель между спинками на тот ряд, где сидит девушка из очереди. Чувствую, как снова краснею, вспоминая о том, как глупо помахал ей. К счастью она смотрит вниз, читая, и не замечает моих проблем со стюардессой. Вид свободного кресла рядом с ней вызывает у меня зависть.

Мы отъезжаем от терминала и сразу вырливаем на взлетную. Это не Ньюарк с его сложными самолетными маршрутами. Я выглядываю в окно, а затем быстро отвожу взгляд. Не хочу видеть всю эту воду, над которой мы полетим.

Мужчина рядом издает целую симфонию из кашля и сморканий. Я поправляю регулятор кондиционера над головой и понимаю, что тот уже включен на полную. Если не считать моего соседа, самолет кажется жутковато тихим, и то, как расслаблены остальные пассажиры, выбивает меня из колеи. Разве они не понимают, что мы вот-вот пронесемся в жестяной банке по воздуху на высоте тридцати тысяч футов над землей, над огромным пространством открытой воды, которая, вероятно, кишит акулами? Я снова вытираю о штаны взмокшие руки. Женщина впереди громко зевает и потягивается. В этот момент самолет начинает разгон, я откидываюсь на спинку сиденья и впиваюсь ногтями в подлокотники, чувствуя, как отрываются от земли колеса.